

УДК / UDC 343.1 (091) (470) "1669/1679"
DOI 10.35231/18136230_2021_2_65

Уголовные процедуры в России 1669–1679 гг.: развитие и новации

К. В. Петров

*Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Процессуальное право в России XVII в. трансформировалось в структуру самостоятельного судебного процесса и определения наказания. В 1669 г. вносятся существенные изменения в 21 главу Соборного уложения 1649 г.

В статье дается характеристика указанных изменений; показывается процесс трансформации компетенции губных органов власти – основного института того времени, направленного на пресечение уголовной преступности на территории государства. Раскрывается характер изменений в процедурах применения средств доказывания при общей неразработанности правовой системы; рассматривается институт следователя; усиление роли очевидцев преступления; расширены составы убийства.

Процессуальные процедуры были направлены на получение собственного признания. Правила использования средств доказывания при совершении татьбы и убийства, и разбоя, отличались. Это следует связывать с иным пониманием слова «разбой», нежели в современном праве.

Ключевые слова: дореволюционная Россия, XVII в. судебный процесс, процессуальное право, доказательства.

Для цитирования: Петров К.В. Уголовные процедуры в России 1669–1679 гг.: развитие и новации // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 2 (64). С. 65–79. DOI 10.35231/18136230_2021_2_65

Criminal procedures in Russia 1669–1679: development and innovations

Konstantin V. Petrov

*Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

Procedural law in Russia of the 17th century was transformed into the structure of an independent judicial process and the imposition of punishment. In 1669, significant changes were made to Chapter 21 of the Council Code of 1649. The article describes these changes;

shows the process of transformation of the competence of the labial authorities - the main institution of that time, aimed at the suppression of criminal crime in the territory of the state. It reveals the nature of changes in the procedures for the use of evidence when the legal system is not fully developed. In the period between 1669–1679 the institute of the investigator was introduced; the importance of eyewitnesses to the crime was increased; formal components of a homicide have been expanded. Procedural practices were aimed at obtaining their own recognition. The rules for the use of means of evidence in committing "tatba" and killing, and robbery, differed. This should be related to a different understanding of "robbery", rather than in modern law.

Key words: pre-revolutionary Russia in the 17th century; judicial trial; criminal and civil proceedings; punishment; adjective law; legal system.

For citation: Petrov, K. V. (2021) Ugolovnye procedury v Rossii 1669–1679 gg.: razvitie i novacii [Criminal procedures in Russia 1669–1679: development and innovations] *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 2 (64). pp. 65–79. DOI 10.35231/18136230_2021_2_65 (In Russian).

Введение

22 января 1669 (7177) г. на заседании Боярской думы во главе с царем Алексеем Михайловичем, были приняты два важных правовых акта: Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах (далее: Новоуказные статьи¹ и в тот же день в присутствии Освященного собора и патриархов Паисия Александрийского, Макария Антиохийского и Иоасафа Московского были приняты Статьи «О следствии, суде и наказании людей духовного чина, которые объявятся в церковных, или в мирских татьбах, разбоях в делании фальшивой монеты и в убийствах»².

Указанными актами были внесены изменения в XXI и XXII главы Соборного уложения 1649 г. (далее: СУ-21 и СУ-22). Особенность юридической техники XVII в., нашедшая свое отражение в тексте актов, позволяет назвать их, скорее, новыми редакциями глав Соборного уложения 1649 г., поскольку они содержат текст статей всех двух глав в новой формулировке.

Целью статьи является установление новаций, внесенных Новоуказными статьями в нормы СУ-21, определяющие компетенцию губных органов и регламентирующие процессуальные институты. Будет также предпринята попытка оценить значение нововведений с точки зрения эффективности и оптимальности процедур, направленных на

---

¹ Публ.: Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. 1. № 431. С. 774–800 (В издании ПСЗ номера 431 и 432 повторяются на с. 747 и далее).

² Публ.: Там же. № 432. С. 800–802.

установление фактических обстоятельств преступлений. Верхняя хронологическая граница определена принятием Указа 1679 г., упразднившего институт губных органов, и передавшего полномочия в рассмотрении уголовных преступлений в компетенцию воевод.

Реформирование губных органов власти

Новоуказные статьи состоят из четырех частей: первая непоименованная часть содержит шесть статей, вторая часть имеет заголовок «Статьи о татех» (ст. 7–16), третья часть – «Статьи о разбойных делах» (ст. 17–75), четвертая часть – «Статьи о убийственных делах» (ст. 76–108), последняя непоименованная часть включает в себя ст. 109–128.

Между тем в Уставной книге Разбойного приказа редакций 1616–1617 гг. и 1635–1648 гг., в Уложении 1649 г. и в Новоуказных статьях 1669 г. содержится немало казусов, подразумевающих или прямо упоминающих о приводе татей и разбойников в губную избу частными лицами (прежде всего истцами). В связи с этим нельзя не отметить и важной нормы, закрепленной в ст. 42 Уставной книги Разбойного приказа редакции 1616–1617 гг. (и воспроизведенной затем в ст. 31 гл. 21 Уложения 1649 г.), согласно которой истцу воспрещалось заключать мировое соглашение с находившимися под стражей обвиняемыми в разбое. Остается добавить, что даже дела по государственным преступлениям, процессы по знаменитому «слову и делу», и те почти неизменно начинались с «извета» – письменного или устного сообщения опять-таки частного лица [10]. В общем, как выразился С. А. Петровский, до XVIII в. в отечественном судопроизводстве «все основывалось на жалобах».

Анализ правовых актов XVI – XVII вв. заставляет считать единым комплексом норм, который условно можно назвать «губным правом», процессуальные и материальные нормы права, регулирующие правоотношения, связанные с розыском, следствием, наказанием лиц, ответственных за тяжкие («лихие») преступления; а также исполнения решений по указанным делам и отношения, регулирующие деятельность уполномоченных на это органов власти и должностных лиц, включая внутриорганизационные отношения (состав губной избы, правила из избрания и утверждения должностных лиц), в том числе вопросы охраны и обеспечения «татинных» тюрем. Иначе говоря, современное понимание процессуального права значительно уже понятия «губное право».

В связи с этим не будет неожиданностью то, что первые семь статей СУ-21 и шесть статей Новоуказных статей содержат нормы о компетентных органах власти и должностных лицах. Центральным органом власти, обладавшим высшей (после царя и боярской думы) компетенцией в сфере «губного права», оставался Разбойный приказ. Вместе с тем в Новоуказные статьи не вошла ст. 2 СУ-21, в соответствии с которой «лихие дела», совершаемые на территории Москвы (без московского уезда), были подведомственны Земскому приказу («земский двор»). В настоящее время нет достаточных данных для того, чтобы сделать однозначный вывод о том, сохранил ли Земский приказ свою компетенцию на территории Москвы или нет.

В соответствии со ст. 3, 4, 6 СУ-21 выборные губные старосты в уездах страны были непосредственно подчинены Разбойному приказу, действовали на основании губных наказов («наказных памятей»), получаемых ими в Разбойном приказе. Здесь же в приказе они приводились «ко кресту по записи»; здесь же рассматривались иски губных старост и должностных лиц губного аппарата. Соответственно компетенция воевод тех уездов, в которых были созданы губные избы, была не столь полномочной, нежели компетенции воевод в уездах, где губных органов власти не существовало. Наряду с целовальниками в состав губных изб входили губные целовальники, губные подьячие и выборные тюремные сторожа. Несмотря на то что аппарат губной избы подчинялся губным старостам, «ко кресту» их приводил воевода в присутствии губного старосты.

Новоуказные статьи (ст. 3) внесли в структуру органов губной власти существенные изменения.

Во-первых, губные старосты были подчинены сыщикам. Последние должны были приводить губных старост и губных подьячих «к вере» «по чиновной книге», взимать с них и присылать в Разбойный приказ пошлины в размере: 1 рубль – со старосты и полтина – с подьячего.¹ При этом губной наказ («наказные памяти») старосты получали по-прежнему из Разбойного приказа «за дьячьей приписью». До момента получения наказных памятей губные старосты должны были подчиняться сыщикам «без ослушанья»).

---

¹ В XXI главе Соборного уложения нет нормы о пошлине и ее размере; она помещена в составе ст. 66 главы XVIII Соборного уложения: «А которые государевы грамоты даны будут губным старостам и городовым прикащиком, что им быти в городех в губных старостах, или кому велено быти на приказе, и с тех грамот имати печатных пошлин по рублю с человека».

Во-вторых, сыщикам вменялось в обязанность (ст. 5) рассматривать иски всех должностных лиц губного аппарата: старост, подьячих, сторожей.

В-третьих, упразднились целовальники.

В-четвертых, менялся порядок формирования тюремных сторожей: вместо выборных, норма ст. 3 Новоуказных статей предписывала нанимать двух сторожей с поручительством «добрых людей» и приводить их «к вере» сыщикам. Изменения порядка комплектования сторожей к моменту «издания» Новоуказных статей было опробовано в отношении «московских больших тюрем». В соответствии с указом от 6 марта 1666 (7174) г., переданном в приказной записи, выборные целовальники и сторожи заменялись восьмью наемными сторожами из числа людей с незапятнанной репутацией («добрых людей») при наличии серьезного поручительства («крепких порук»). Договор найма заключался на год и оплачивался Разбойным приказом при наличии письменного поручительства («поручных записей»)¹.

В-пятых, наряду со сторожами, охрана тюрем возлагалась также на стрельцов. В связи с этим обстоятельством следует указать на то, что городовые стрельцы подчинялись стрелецкому голове, входившему в состав съезжей (воеводской) избы, подчиняясь тем самым воеводе. В вопросах материального, денежного и иного обеспечения, и в судебном отношении стрельцы находились в сфере ответственности Стрелецкого приказа.

В-шестых, по ст. 7 СУ-21, в случае обвинений губного старосты, контроль за его действиями по конкретному делу должен осуществлять губной староста из другого города. Статья 7 Новоуказных статей предписывала, что «указ о том» должны «чинить» сыщики. СУ не регламентировался данный вопрос; предполагалось, что он остается на усмотрение Разбойного приказа в порядке дискреционных полномочий.

Средства (способы) доказывания в губном процессе

Новоуказные статьи предписывают применение следующих средств доказывания:

1) «расспрос» – допрос с целью получения информации по существу обвинения;

---

¹ ПСЗ РИ. 1-е собр. Т. 1. № 384. С. 635.

2) «расспрос с пристрастием» – допрос с целью получения информации по существу обвинения с применением средств устрашения;

3) «пытка». Судя по тексту правовых актов, в том числе Новоуказных статей, «пытка» рассматривалась не столько как приемы понуждения к даче показаний по делу, сколько в качестве самих полученных показаний.

При этом ст. 8 Новоуказных статей запрещает применение пытки без «явных улик». Однако в Новоуказных статьях отсутствуют нормы, регулирующие применение «пытки». Этот пробел был устранен принятием «Боярского приговора» от 23 октября 1673 (7182) г. В соответствии с ним, при наличии иных доказательств, к татям пытка применяется следующим образом: «пытать трижды и огнем жечь, а в первой пытке дать им восемьдесят ударов без спуска, а в другие сто дватцать, а в третье сто пятьдесят». В случае если преступники пойманы с «поличным или по челобитью истцов», пытка к ним применяется в другой форме: «пытать трожды: ... первой пытке дать им пятьдесят ударов без спуска, и другая восемьдесят, а в третье сто ударов»¹.

5) «довод» – сообщение о лице, совершившем преступление, и/или обстоятельствах преступления;

6) «очная ставка» – одновременный допрос обвиняемого и «доводчика»;

7) «порука» – поручительство иных лиц. С. П. Никонов рассматривал «поруку» лишь как средство обеспечения обязанностей «административного и государственного характера» при недоказанности обвинения [2, с. 49]. Представляется, что в данном случае «порука» являлась средством, подтверждающим полученные сведения о личности преступника.

8) «поличное» – похищенное имущество, находящееся в фактическом владении преступника. А. А. Рожнов отмечает, что в Уложении 1649 г. и Новоуказных статьях «татьба с поличным и без него уже не различаются» [4, с. 41]. Вероятно, он прав, если имел в виду материальный состав татьбы как преступного деяния. Однако как средство доказывания «поличное» широко использовалось как в Уложении, так и в Новоуказных статьях. Правда, в Новоуказные статьи не попала норма ст. 88 Уложения о материальной ответственности родственников преступника, в случае если они знали о похищенном имуществе, и при этом если «поличное»

---

¹ ПСЗ РИ. 1-е собр. Т. 1. № 561. С. 945.

изъяли в доме преступника. При отсутствии средств для уплаты иска потерпевшего, родственников преступника полагалось «выдать головой» по расчету за год женскому полу «по полутретья рубли»¹;

9) «обыск» («повальный обыск») – опрос населения о личности преступника и совершенных им преступлениях. Дореволюционные юристы утверждали, что именно в Новоуказных статьях «повальный обыск» окончательно приобретает характер особого «судебного доказательства» [6, с. 136–137].

Процедура проведения обыска

Помимо того, что «обыск» рассматривался как средство доказывания, он представлял собой процедуру, детализация которой была проведена в ст. 28 Новоуказных статей. По существу, «обыск» представлял собой опрос жителей определенной местности по поводу конкретного лица, либо обстоятельствах преступления. Территориально опрос проводился «до 20 и больше верст от места». Опрашивались лица всех сословий, за исключением представителей духовенства (церковнослужители и священнослужители) – их опрос осуществлялся в соответствии с процессуальной подсудностью («духовными судьями»), в соответствии с «памятью» должностных лиц, проводящих «обыск». В «обыске» не принимали участие глухие, немые, «бесные», малолетние, а также родные лица в отношении которого проводится опрос, в том числе его бывшие холопы или лица, работающие у него по найму («которые люди живут у кого в работе»).

Опрос каждого лица следовало проводить отдельно от других опрашиваемых. При этом полагалось вести запись сообщаемых сведений («обыскные речи»), которые должны быть подписаны опрашиваемыми. В случае их неграмотности подписи должны быть проставлены в их присутствии их духовным отцом либо иным доверенным лицом («кому они верят»). Нерусское население, которое уплачивает налоги пушниной («ясачные люди»), в случае их неграмотности вместо подписи должно писать «знамя» – индивидуально-родовой знак. Обыскные речи должны составляться отдельно для каждого сословия.

«Обыск» проводился специальными чиновниками – «сыщиками» («обыщниками»), которые действовали на основании «наказной памяти».

---

¹ Данная сумма равнялась месячному окладу переводчика Аптекарского приказа в 1642/43 г. (См.: Акты исторические. СПб., 1841. Т. 3. № 243. С. 401).

Запись «обыскных речей» велась подьячими. Подлежала фиксации лишь та информация участников «обыска», которым они были непосредственные очевидцы. Итоговая оценка показаний, полученных при проведении «обыска», устанавливалась в соответствии с мнением большинства участников «обыска».

Однако в случае если половина участников (но не более 15–20 чел.) укажет на лицо как на «доброе человека», а другая половина – как на «лихого человека», к данному лицу применяется «пытка». В случае если он будет «на себя с пытки в розбое говорити», его отпустить под поручительство тех, кто его «одобрил», признал «добрым человеком». Данное положение, закрепленное в ст. 34 Новоуказных статей, развивало норму ст. 42 СУ-21.

Новоуказные статьи впервые закрепили несколько составов преступлений при проведении «обыска», субъектами которых были как опрашиваемые участники «обыска», так и должностные лица, ответственные за его проведение; наказание зависело также от сословной принадлежности и примерного дохода опрашиваемых выборных лиц (старост, приказчиков). Мера наказания определялась в форме денежного штрафа, наказания кнутом, и взыскания убытков потерпевших. В случае если потерпевшие будут подвергнуты пытке, убытки подлежат взысканию в четырехкратном размере и взымается штраф за «безчестье» (по общему правилу, в размере годового дохода потерпевшего).

Формальные системы применения средств доказывания

Особенность допетровского права проявлялась в допетровском законодательстве, в том числе в Новоуказных статьях, в частности в том, что указанные выше средства доказывания должны быть применены по определенной формальной системе. Новоуказные статьи содержат разные юридические конструкции доказывания вины в зависимости от характера преступления и личности преступника: «татя» (а также «мошеника» (ст. 8), «при грабеже» (ст. 14)) и «разбойника».

Следует отметить, что под разбоем в ту эпоху понималось насильственное открытое хищение имущества, осуществленное в качестве промысла организованной группой при наличии руководителя с причинением вреда здоровью или без такового. Грабеж рассматривался как всякое насильственное действие в сфере имущественных отношений, и включал в себя татьбу. Видом «татьбы» было явное открытое хищение имущества

[8, с. 89]. Лишь во второй половине XVII в. постепенно из «татьбы» по признаку насилия начинает выделяться грабеж в современном понимании [8, с. 92]. Новейшие работы к данному выводу Д. Г. Тальберга ничего не добавляют, но вносят много спорного – например, утверждение о том, что «объективно-юридическое представление о преступном деянии было взято из греко-римского права»¹. Ю. В. Оспенников полагает, что уже в XII–XV вв. понимание грабежа почти совпадало с современным – как «открытое хищение имущества» без причинения вреда здоровью потерпевших [3, с. 317–318]. Утверждение Ю. В. Оспенникова подлежит обоснованию. Между тем не лишено оснований мнение А. Г. Манькова, полагавшего, что «законодательство рассматривало татьбу как промысел», т. е. татьба – хищение, совершаемое профессиональными преступниками [1, с. 189].

Новоуказные статьи предусматривали процедуру доказывания вины при совершении «татьбы» и убийства с определенной очередностью применения средств доказывания [11]:

1) получение сведений о лице, совершившем преступление, и/или обстоятельствах преступления («довод»);

2) допрос обвиняемого («расспрос»);

3) I вариант – в случае если обвиняемый сознался в преступлении («повинился»), следует «расспрос с пристрастием», далее – тюремное кратковременное заключение (две недели) [5, с. 43] с целью обнаружения «явных улик», после чего – вынесение решения по делу;

II вариант – в случае если обвиняемый не сознался в преступлении («заперся»), следует применение «пытки», далее – в случае если обвиняемый сознался в преступлении («повинился») в полном объеме, происходит вынесение решения по делу;

III вариант – если после применения «пытки» обвиняемый «повинился» в части предъявляемых преступлений, следует вновь – «расспрос с пристрастием», после чего кратковременное тюремное заключение (две недели) с целью обнаружения «явных улик». В зависимости от результатов последнего решение выносится по одной «татьбе», либо по всем предъявленным обвинениям.

В последнем варианте Новоуказные статьи (ст. 8) смягчают ответственность за первую татьбу (и первое мошенничество), устанавливая

---

¹ Токарчук Р. Е. Развитие форм хищения в уголовном законодательстве России XVII–XVIII веков: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 7–8.

иные, нежели СУ-21 (ст. 9) последствия доказанной татьбы до вынесения решения по ней. До 1669 г. вора с доказанной татьбой надлежало пытаться с целью получить данные об иных преступлениях (другой татьбе или убийстве). По Новоуказным статьям, в случае если он сам повинился «в татьбе в расспросе» без пытки, он подлежит допросу «с пристрастием, а не пытать», и временному досудебному содержанию в тюрьме в течение двух недель. Если в течение двух недель не будут обнаружены «челобитчики с явными уликами», следует наказание за первую кражу; если таковые обнаружатся – татя следует пытать с целью получения сведений о преступлениях [2].

При совершении убийства, вне зависимости от обстоятельств задержания преступника, к нему применялся «расспрос» с «пыткой».

Варианты доказывания вины разбойника с очередностью применения средств доказывания отличались:

I вариант – обвиняемый задержан после получения о нем как лице, совершавшем «разбой» («довод»): следует провести допрос обвиняемого («расспрос») с применением «пытки» с целью получения сведений об иных преступлениях. В данном случае Новоуказные статьи (ст. 17, 18, 19) повторяют нормы ст. 16–18 СУ-21.

В случае если «довод» осуществлялся двумя–тремя лицами («языками»), «пытка» не дала желаемого результата, а обвиняемый «бьет челом об обыске», следует провести повальный обыск. В случае «облихования» по результатам «обыска» следует принимать решение; если в результате «обыска» лицо не будет признано «лихим человеком», его следует отпустить под поручительство.

II вариант – обвиняемый задержан с «поличным» («изыманы на разбоях, или на станах»): следует провести допрос обвиняемого («расспрос») с применением «пытки» и «обыск» по месту жительства («около их житья»). В случае «облихования» по результатам «обыска» следует вновь применить «пытку» и либо принять решение по существу, либо отпустить под поручительство. В случае отсутствия данных о лице как о «лихом человеке» после «обыска», его следует отпустить под поручительство.

III вариант – обвиняемый задержан после «облихования», признания «лихим человеком» в результате проведения «обыска»: к лицу, признанному по результатам проведения «обыска» «лихим человеком», следует применить «пытку».

В случае если «облихованный» после «пытки» не признался, следует применять «очную ставку». Если в результате «очной ставки» «тот оговорный человек учнет бить челом об обыске», т. е. будет просить провести новый «обыск», следует провести «большой повальный обыск». В данном случае следует полагать, что обвиняемому представляется право поставить под сомнение результаты уже проведенного «обыска». В случае если «большой повальный обыск» не подтвердит результаты первого «обыска» обвиняемый подлежит освобождению под поручительство. Однако, если в результате «большого повального обыска», обвиняемый будет также признан «лихим человеком», к нему следует применить «пытку» до тех пор, пока не «учнет на себя и на товарищей своих в разбое говорить». На основании этих сведений следует принять решение по делу («чинить указ по делу»).

Процедуры, связанные с задержанием преступника

Несколько норм регулируют отношения, связанные с задержанием преступников потерпевшими или свидетелями. Общее правило для потерпевшего или сторонних людей заключалось в необходимости после задержания «татя», или убийцы – привести его «для записки» в приказ или иной орган власти, предварительно объявив о поимке «окольным людям». Причинение смерти татю во время задержания при сопротивлении со стороны «сторонних людей» или «погонщиков» (при погоне), или со стороны потерпевшего (в своем доме) не было наказуемым. Причем в этих случаях преступника все равно полагалось доставить в приказ вместе с «поличным» («что он покрал»). В случае нарушения указанного правила о доставлении задержанного преступника в приказ для «записи», задержавший подлежит наказанию – штрафу за оскорбление («безчестье») и нанесенные увечья. При этом задержавший сохраняет право иска к «татю», но иным порядком – «искать судом» [9].

Новоуказные статьи (ст. 7) сохраняют общее правило ст. 8 СУ-21, согласно которому частные лица, задержавшие и доставившие татя или разбойника в приказ или иной орган власти, находятся вне подозрений из-за показаний «приводных людей» – преступников. «Речи» приведенных преступников о преступлениях тех, кто их привел, не должны приниматься к рассмотрению, «чтоб всяким людям бесстрашно было воров имая, в губу приводить». Новоуказные статьи расширяют сферу действия

данной нормы, указывая на «язычную молву» товарищей преступников, которую также следовало игнорировать – «и той язычной молве не верить же» [11].

Следует отметить, что непресечение убийства человеком, у которого такая возможность была, наказывалась «заповедью». В отличие от ст. 15 СУ-21, которая предусматривала денежное взыскание в размере 50 к. на человека, ст. 14 Новоуказных статей устанавливает размер взыскания в зависимости от положения человека – от 20 до 50 р. с «чиновных людей», для «обычных людей» и «чиновных людей городских» предусматривалось наказание батогами, «мелких людей» – кнутом. Во всех прочих случаях за непоимку татя или разбойника, при наличии явной возможности, наказание было в два раза меньше.

Выводы

А. Г. Маньков, подводя итоги своему исследованию развития уголовного права второй половины XVII в., отмечал несколько принципиальных процессуальных новшеств, связанных с принятием Новоуказных статей: ограничивается применение «пытки», усиливается значение свидетельских показаний, происходит эволюция «повального обыска» в сторону установления факта преступления (а не репутации обвиняемого) [1, с. 189].

Джордж Вэхард отметил, что в целом существенной новацией Новоуказных статей является «увлечение рационализмом в праве и совершенствования правоохранительной деятельности» [12, с. 396]. Все это проявилось: в (1) введении института следователя; (2) усилении роли непосредственных очевидцев преступления; (3) ориентации на византийские меры наказания; и (4) расширении составов убийства [12, с. 388].

Думается, указанные наблюдения можно дополнить следующим.

1. Все процедуры очередности применения средств доказывания в той или иной степени направлены на получение собственного признания и сведений об иных преступниках и преступлениях. По всей видимости, с учетом возможных иных доказательств по делу, особое внимание к собственному признанию обусловлено религиозным характером общества и необходимостью подтверждать признание крестным целованием.

2. Со всей очевидностью отличаются правила использования средств доказывания при совершении татьбы и убийства, с одной стороны, и разбоя – с другой. Можно предположить, что это связано с широкой квалификацией «разбоя» как преступного деяния – насильственного

открытого хищения имущества, совершенного в качестве промысла организованной группой, при наличии руководителя, с причинением вреда здоровью или без такового.

3. Следует согласиться с мнением Д. Г. Тальберга, который утверждал, что главным квалифицирующим признаком разбоя в праве XVII в. являлось «постоянное занятие» преступной деятельностью [7, с. 233; 8, с. 89]. С этой точки зрения, разбой имплицитно содержит в себе любые иные противоправные деяния, включая убийство. Поэтому, вне зависимости от характера самого деяния, наказывался «разбойник». В других случаях, при совершении «татьбы», или убийства, наказывался преступник, в зависимости от характера и сопутствующих обстоятельств самого преступления.

Список литературы

1. Маньков А. Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. 216 с.
2. Никонов С. П. Поручительство в его историческом развитии по русскому праву. СПб., 1895. 214 с.
3. Оспенников Ю. В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII–XV вв. М., 2011. 408 с.
4. Рожнов А. А. Кража (татьба) по Судебнику 1497 года // Общество и право. 2011. № 4. С. 39–42.
5. Смирнов А. Г. Предварительный арест и заключение. Очерк из истории русского уголовного процессуального права. М., 1878. 136 с.
6. Сокольский В. Главнейшие моменты в истории повального обыска. Киев, 1871. 158 с.
7. Тальберг Д. Г. Историческое происхождение существующего в Уложении о наказаниях деления насильственного похищения чужой собственности на два вида: разбой и грабеж // Университетские известия. Киев, 1880. № 7. С. 233–240.
8. Тальберг Д. Г. Насильственное похищение имущества по русскому праву (Разбой и грабеж). СПб., 1880. 206 с.
9. Davies B. The Politics of Give and Take: Kormlenie as Service Renumeration and Generalized Exange, 1488–1726. // Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584; ed. by A.M. Kleimola, G.D. Lenhoff. Moscow, 1997. Pp. 39–67.
10. Kleimola A. M. The Duty to Denounce in Muscovite Russia. Slavic Review. 1972. Vol. 31. No. 4. Pp. 759–779.
11. Torke H. J. Crime and Punishment in the Pre-Petrine Civil Service: The Problem of Control. // Imperial Russia. 1700–1917: State. Society. Opposition; ed. by Ezra Mendelsohn, Marshall S. Shatz. DeKalb, 1988. Pp. 5–21.

12. Weickhardt G. G. Late Muscovite Criminal Law: The Newly Promulgated Articles of 1669. *Russian History*. 2007. Vol. 34. No. 1/4. Festschrift for Richard Hellie. Part 1. Pp. 383–400.

References

1. Mankov, A.G. (1998). *Zakonodatelstvo i pravo Rossii vtoroy poloviny XVII veka* [Legislation and Law of Russia in the Second Half of the XVIIth Century]. Saint-Petersburg. 216 p. (in Russian).

2. Nikonov, S.P. (1895). *Poruchitelstvo v ego istoricheskom razvitii po Russkomu pravu* [Guarantee in its Historical Development in Russian Law]. Saint-Petersburg. 214 p. (in Russian).

3. Ospennikov, Yu.V. (2011). *Pravovaya traditsiya Severo-Zapadnoy Rusi XII–XV vekov*. [Legal Tradition of North-Western Russia of the XII–XV Centuries]. Moscow. 408 p. (in Russian).

4. Rozhnov, A.A. (2011). *Krazha (tatba) po Sudebniku 1497 goda* [Theft (Tax) According to the Code of Law in 1497]. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. No. 4. pp. 39–42. (in Russian).

5. Smirnov, A. (1878). *Predvaritelnyy arest i zaklyucheniye. Ocherk iz istorii russkogo ugolovnogo protsessualnogo prava* [Preliminary Arrest and Imprisonment. Essay from the History of Russian Criminal Procedural Law]. Moscow. 136 p. (in Russian).

6. Sokolsky, V. (1871). *Glavneyshiy momenty v istorii povalnogo obyska* [Major Moments in the History of the Raid Search]. Kiev. 158 p. (in Russian).

7. Talberg, D.G. (1880). *Istoricheskoye proiskhozhdeniye sushchestvuyushchego v Ulozhenii o nakazaniyakh deleniya nasilstvennogo pokhishcheniya chuzhoy sobstvennosti na dva vida: razboy i grabezh* [The Historical Origin of the Existing in the Code on the Penalties of Dividing the Forced Abduction of Another's Property into Two Types: Robbery and Plundering]. *Universitetskiye izvestiya – University News*. Kiev. No.7. pp. 233–240. (in Russian).

8. Talberg, D.G. (1880). *Nasilstvennoye pokhishcheniye imushchestva po russkomu pravu (Razboy i grabezh)* [Forced Theft of Property under Russian Law (Robbery and Plundering)]. Saint-Petersburg. 206 p. (in Russian).

9. Davies, B. (1997). The Politics of Give and Take: Kormlenie as Service Remuneration and Generalized Exchange, 1488–1726. *Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584*; ed. by A.M. Kleimola, G.D. Lenhoff. Moscow. pp. 39–67.

10. Kleimola, A.M. (1972). The Duty to Denounce in Muscovite Russia. *Slavic Review*. Vol. 31. No. 4. Pp. 759–779.

11. Torke, H.J. (1988). Crime and Punishment in the Pre-Petrine Civil Service: The Problem of Control. *Imperial Russia. 1700–1917: State. Society. Opposition*; ed. by Ezra Mendelsohn, Marshall S. Shatz. DeKalb. Pp. 5–21.

12. Weickhardt, G.G. (2007). Late Muscovite Criminal Law: The Newly Promulgated Articles of 1669. *Russian History*. Vol. 34. No. 1/4. Festschrift for Richard Hellie. Part 1. Pp. 383–400.

Об авторе

Петров Константин Васильевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9524-1402, e-mail: 1petrov_kv@mail.ru

About the author

Konstantin V. Petrov, Cand. Sci (Law), Associate professor of the Department of Theory and History of State and Law, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9524-1402, e-mail: 1petrov_kv@mail.ru

Поступила в редакцию: 14.03.2021

Received: 14 March 2021

Принята к публикации: 27.05.2021

Accepted: 27 May 2021

Опубликована: 29.06.2021

Published: 29 June 2021